

РУССКИЕ ГОРОДОВЫЕ ПУШКАРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Одной из тем, недостаточно освещенных в науке, является эволюция положения мелких служилых людей (солдат, городских казаков, стрельцов, лиц пушкарского чина) России. Составляя рядовую массу вооруженных сил, они играли важную роль в политической и хозяйственной жизни, выполняли в городах политико-административные функции, по жизни и быту мало чем отличаясь от посадского населения и крестьянства. Одной из категорий служилых людей были пушкарки. В отечественной специальной литературе нет посвященных им работ; затрагивались лишь конкретные аспекты их службы, хозяйства и быта¹. Одной из причин является тот факт, что основная масса документов архива Пушкарского приказа, которому подчинялись служилые люди пушкарского чина, погибла во время пожара 1812 г. в Московском Кремле. Вакуум в источниках по теме отчасти заполняется материалами других приказов, прежде всего Разрядного, в ведении кото-

рого находились вооруженные силы государства. Кроме того, в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранятся около 3 тыс. дел со сведениями по истории пушкарки, а также металлургии, городов и производства оружия².

Служилые люди пушкарского чина в городах включали пушкарей, затинщиков, воротников, казенных кузнецов и плотников, мастеров по производству орудий и боеприпасов. Они несли обязательную военную службу: пушкари служили при крупнокалиберных и средних артиллерийских орудиях, затинщики — при мелкокалиберной артиллерии, воротники были городской стражей. В «поручной записи по пушкарям» в г. Лебедянь говорилось: «Служить ему его государеву цареву службу всякия, зимние и летние, годовые и временные, походные и

² Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС), ф. 1, Пушкарский приказ; Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Рукописный отдел (РО ГПБ). Собрание древнерусских грамот; ЦГАДА, ф. Разряда, Столбы Белгородского стола, Дела разных городов, Книги денежного стола.

посылочные и где его государь царь пошлет на свою государеву службу»³. Можно выделить два основных вида службы у людей пушкарского чина: при городском «наряде» и в полках. В городах пушкари были расписаны по два человека к орудию и должны были в случае осады или набега «свое место знать и оберегать». Во второй половине XVII в. в каждом городе находилось в среднем по 20—30 орудий. Пушкарям вменялось также в обязанность нести караулы у казенных погребов, где хранились боеприпасы, чтобы от «воинских либо воровских людей государевой пороховой казне убытку никакого не было». Днем на караулах стояли по двое, ночью — до 10 человек. При службе у городского «наряда» пушкари подчинялись осадному голове, который должен был обеспечить артиллерийскую оборону города в случае «прихода военных людей»⁴.

С середины XVII в., в связи с быстрым развитием полковой артиллерии, появляется обязательная служба в солдатских и стрелцких полках при артиллерийском наряде. Интересные данные о службе пушкарей содержатся в росписях различных полков. По росписи Белгородского разряда за 1674—1675 гг. в Большом государевом полку находилось 69 тяжелых и 124 средних полковых орудий. В солдатских и стрелцких полках того же разряда насчитывалось по 5—10 средних полковых орудий. По росписи полка воеводы Л. Р. Неплюева, во время Крымского похода при «наряде» служило 136 пушкарей из 10 городов Белгородского стола. 50 городских пушкарей из городов Калуги, Корочи, Рыльска и Севска служили при Большом голландском наряде. В полках пушкари выделялись из других служилых людей. В росписях Большого голландского наряда указывалось, что командуют ими поручики и капитан, присланные из Иноземного приказа. У пушкарей была своя форма одежды — голубой кафтан с красным кушаком, железный шпак и зеркало⁵.

Имеются сведения о существовании в полках боевой подготовки служилых людей пушкарского чина. В челобитной за 1680 г. из Киева генерал П. Гордон просил прислать ему «100 человек пушкарей доб-

рых, кроме тех, кто служит при наряде в полках, и тех пушкарей надо пораньше учить, чтобы навывались и примерялись к пушкарской стрельбе, и чтобы тех пушкарей ведал знатный человек». Из числа городских пушкарей Белгородского стола было выделено нужное число людей, «чтобы к стрельбе навывались и примерялись к какой в стрельбе размер знали». Здесь же, в Киеве, 10 пушкарей должны были обучаться у полковника-иностранца инженерному, подкопному, огненному и гранатному делу⁶.

Помимо боевой службы, пушкари несли полицейские функции, стояли на карауле у тюрем, смотрели за «тюремными сидельцами», конвоировали осужденных в ссылку и в сибирские остроги. По царской грамоте воеводе Переславля-Рязанского предписывалось выделить стольнику Плещееву городских пушкарей и затинщиков для поимки «воров и убийц». В «статейных описях» городов на южных рубежах России часто встречаются данные о такого рода службе пушкарей. Нередко их отправляли в уезды собирать детей боярских на службу и «имать нетчиков»⁷. Пушкарей часто присылали в Москву, Тулу и другие города для работы по производству орудий и боеприпасов. Только во второй половине XVII в. эта практика прекращается. В «Справке о делах Стрелцкого приказа» говорится: «В прошлые годы на пушечный двор и зелейные (пороховые, — А. Л.) мельницы для всяких работных дел высылались из всех городов в помощь городские пушкари и казенные кузнецы и на Москве бывали и по полгода и больше, а ныне пушкари и пушкарского чина служат полковую службу и для работы в Москве высылают некого»⁸.

Для удобства несения службы совокупность городских пушкарей была поделена надвое, а службу несли поочередно. В вышеупомянутой «справке» отмечалось: «А служили те пушкари службу полковую пополам, а другая половина осталась в городе». В «сметном списке» г. Путявля было указано: пушкарей «очередной половины, что служат пушкарскую службу», в

⁶ Там же, стб. 987, лл. 200, 204.

⁷ РО ГПБ, №№ 702—768; ЦГАДА, ф. Разряда, Столбы Белгородского стола, стб. 1102, л. 225; там же, Книги Белгородского стола, кн. 27, л. 729; ААЭ. Т. 3. СПб. 1836, № 64.

⁸ ДАИ. Т. 10. СПб. 1875, № 93.

³ АЮ. СПб. 1838, № 306.

⁴ ЦГАДА, ф. Разряда, Дела разных городов, кн. 3, лл. 377—384.

⁵ Там же, Столбы Белгородского стола, стб. 770, лл. 37—88; стб. 1070, лл. 150—276; стб. 741, л. 231.

Киев 32 человека. Служилим людям разрешалось посылать на службу вместо себя родственников. Например, в брянских документах отмечалось: «Взять с шести человек, кто вместо себя посылал на службу своих детей и родственников по одному рублю денег»⁹.

В связи с дальнейшими изменениями в артиллерии, повышением внешнеполитической активности государства и расширением служебных обязанностей пушкарей прежние порядки перестали удовлетворять потребностям войска. В последней четверти XVII в. правительство проводит более решительную линию на отрыв служилых людей, включая пушкарей, от их хозяйства. Нередко в документах встречаются такие указания: родственникам содержать пашню и хозяйство служилого человека в тот момент, когда он находится на службе¹⁰. Численность служилых людей пушкарского чина в каждом городе зависела от количества находившихся там орудий и от значения его в общей системе обороны. У нас нет данных об общем количестве пушкарей второй половины XVII века. Среди документов Белгородского стола сохранились лишь отдельные перечневые росписи некоторых городов на южных окраинах Русского государства за различные годы. По росписям 1683 г. в Белеве находилось 193 пушкаря, в Карпове — 173, в Орлове — 153, в Севске и Путивле — по 60 человек. Судя по выпискам из переписных книг по городам Белгородского разряда за 1692 г., одних только пушкарей без других служилых пушкарского чина в городах Белгородского стола было 975 человек¹¹.

Ряды служилых людей пушкарского чина пополнялись привлечением на службу «вольных», «охочих» людей. В результате таких наборов в пушкари попадали крестьяне и посадские тяглыцы. При верстании на службу за новоприбранным пушкарем давался поручная запись всех пушкарских чинов города, чтобы он «служил справно, чтоб ни в Крым, ни в Ногай, ни в Литву, ни в немцы, ни в которое государство не отъехать». Пушкарь обязывался не красть, «ни в зерно не играть, ни корчмы не держать и с воры не знаться ни над

государевую казною хитрости ни в чем не учинить». Провинившегося ждало тяжелое наказание вплоть до смертной казни, а на поручиков накладывалась денежная пеня¹². Такой вид набора бытовал до середины столетия, когда в результате нашествия поляков и шведов, морового поветрия и строительства новых укрепленных линий имела место острая нехватка служилых людей. Пушкари таких наборов, как правило, не обладали навыками воинской службы и порой не выполняли своих функций. Например, обоянские пушкари из «вольных» людей построились дворами на «сторонних землях» вдалеке от города и не являлись в него в случае набегов крымцев¹³.

Во второй половине XVII в. в пушкарскую службу набирали в основном родственников пушкарей. По царскому указу 1679 г. в прежнее состояние возвращались пушкари и ямщики из посадских людей и крестьян, взятых на службу после 1663 года. Служилые пушкари становятся практически замкнутым сословием¹⁴. Новые гарнизоны крепостей и городов оснащались также пушкарями из других селений. В Царев-Алексеев (Новый Оскол) перевели из Старого Оскола 19 пушкарей и 4 воротника, в Верхосенск — 8 человек из Тулы и 20 человек из Гремячева, в Карпов из Мценска и Орла — 12 человек¹⁵. В городах пушкари селились компактными группами в слободы, которые располагались в остроге или на посаде, но не далее чем в трех верстах от города. Слобода делилась на десятки дворов с десятником во главе, который отвечал за порядок на вверенной ему территории и командовал группой из десяти пушкарей. Размеры дворов (сюда входила территория под дом, огороды и хозяйственные пристройки) были различными в каждом городе. В Усерде они составляли 140 кв. саж., в Болхове — от 1150 до 640 кв. сажень¹⁶.

Жизнь в слободе регламентировалась особыми указами. Не разрешалось селиться и даже останавливаться здесь иногородним людям «без памяти» из Пушкар-

¹² АЮ. № 306.

¹³ ЦГАДА, ф. Разряда, Столбцы Белгородского стола, стб. 905, л. 321; стб. 324, л. 207.

¹⁴ Ай. Т. 5. СПб. 1842, №№ 39, 190.

¹⁵ ЦГАДА, ф. Разряда, Столбцы Белгородского стола, стб. 329, лл. 240—241.

¹⁶ Там же. Дела разных городов, кн. 19, ч. I, лл. 232—233об.

ского приказа и «приказной записи». Но, несмотря на этот запрет, население слобод было довольно пестрым. Посторонние люди часто проникали сюда путем покупки дворов у пушкарей. Большая часть таких людей проживала во дворах самих пушкарей: пушкарские зятья, братья, племянники и дети, не поверстанные в службу, а также работники, бобыли и др. В слободах не разрешалось держать корчмы, играть в карты и зерн. Особое внимание уделялось противопожарной безопасности. В летнее время при ветреной погоде запрещалось топить печи и бани, ослушавшихся ждало наказание батогами. По территории слободы ездили «объезды», состоящие из осадного головы и выборных пушкарей.

Высшим органом управления пушкарскими людьми и высшей судебной инстанцией для служилых пушкарского чина являлся Пушкарский приказ. Судя по «Входящему журналу судного стола за 1691 год», в его компетенцию входили все дела о служилых пушкарского чина, вплоть до разбойных. Кроме пушкарей, приказу были подсудны и их ближайшие родственники¹⁷. За службу пушкари получали денежное, хлебное и соляное жалованье. Денежный оклад варьировал от двух до четырех руб. в год. Хлебное и соляное жалованье зависело от семейного положения пушкаря. В Переславле-Рязанском 1686 г. по наличным книгам великих государей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича оклад хлебом составлял «один четверик ржи и овса потомуж (столько же.— А. Л.)» женатым и «по полусомне с четвериком холостым», соляного жалованья женатым полпуда и холостым по четверти пуда в месяц¹⁸. Архангельские и холмогорские пушкари вместо денежного жалованья «ходили в съезжих избах у голов и цоловальников с изъ воза и изъ хоженного и тем и кормились»¹⁹. Кроме постоянного жалованья существовали экстраординарные и единовременные денежные и хлебные выдачи: новоприбранным, молодым пушкарям на дворы, на обзаведение хозяйством, для службы, для посылки за вестями, «за полное терпение» и раны, за долгую службу, за выполнение различных

работ и в случае неурожаев или вражеских набегов. Сумма единовременных выдач зачастую была выше основного оклада. Выплата денежного жалованья могла чередоваться с дачей земельного надела. Например, пушкари Путивля с 1622 по 1640 г. получали денежное и хлебное жалованье 3 руб., с 1640 по 1649 г. были наделены землями по 10 четей на человека, а с 1649 по 1663 г. вновь получали денежное жалованье²⁰.

Наделение служилых людей по прибору, которых набирали из «вольных», «охочих» людей, в том числе и пушкарей, существенно отличалось от исполнения служилых по отчеству, несших наследственную службу. Земля служилым людям по прибору давалась не одному человеку, а группе, которая владела ею на общинном праве, и выделялась под пашню, покосы, выгоны. Выдавались также лесные и рыбные угодья. Право на землю обуславливалось службой; надел отбирали, если пушкарь прекращал служить. Однако жены и дети умерших, погибших или попавших в плен пушкарей продолжали жить в старых дворах, владеть пашней и угольями²¹. Пушкари в известной мере могли распоряжаться полученной за службу землей: сдавать в аренду, передавать по наследству, делить с половинниками и третичниками. Средняя норма пушкарских земельных наделов исчислялась в пределах от 8 до 15 четвертей, «а в поле а дву потомуж». На юге России были более крупные наделы — до 25 четвертей, например, в городах Салтове, Валуйках, Усерде, Яблонове²². Земельный оклад облагался натуральным налогом — «четвериковым хлебом», который шел на содержание служилых людей и составлял «один четверик ржи и овса потомуж».

Многие городские пушкари получали доходы, связанные с торгово-промышленной деятельностью. В первой половине XVII в. малочисленность посадского населения в некоторых городах и льготы со стороны правительства давали возможность определенной части пушкарей задавать тон на местных рынках. Провозглашение Соборным уложением 1649 г. монополии на торгово-ремесленную дея-

¹⁷ АВИАИВНС, ф. 1. Пушкарский приказ, кн. 20.

¹⁸ Там же, д. 133; ЦГАДА, ф. Разряда, Столбцы Белгородского стола, стб. 324, лл. 223—383; Дела разных городов, кн. 54, ч. II, л. 241.

¹⁹ ДАИ. Т. 10, № 33.

²⁰ АВИАИВНС, ф. 1. Пушкарский приказ, д. 133.

²¹ ПСЗ. Т. 1. М. 1830, № 4.

²² ЦГАДА, ф. Разряда, Столбцы Белгородского стола, стб. 905, лл. 23—604.

⁹ ЦГАДА, ф. Разряда, Дела разных родов, кн. 19, лл. 213—213об.

¹⁰ Там же, кн. 17, лл. 533—533об.

¹¹ Там же, Столбцы Белгородского стола, стб. 1028, л. 268; стб. 905, лл. 23—104.

тельность посадских людей привело к некоторому упадку торговой деятельности служилых людей²³. Однако, судя по оброчным книгам, во второй половине XVII в., например, в южнорусских городах пушкарни совместно с другими приборными людьми оставались преобладающей группой торговцев. В г. Карпове из 34 лавок 7 принадлежали пушкарям, в Обояни пушкарни владели 14 лавками и 7 кузницами, в Валуйках из 31 лавочного места 12 находились в руках пушкарей. Интересные данные о торговле пушкарей содержат «Таможенные книги». В Путивле из прошедших через таможенную товаров (хлеб, соль, москательный) на общую сумму

²³ ПСЗ, Т. 1, № 1.

3711 руб. 2300 руб. принадлежало пушкарям и драгунам. Пушкарни участвовали не только в торговых, но и в откупных операциях. Коломенский пушкарь Василий Степанов сын Логинов просил отдать ему на откуп кабак и таможенную на Епифани с оброком 116 руб. в год²⁴.

Приведенные данные позволяют расширить изучение истории служилых людей пушкарского чина, что имеет значение для углубления познаний о феодальном обществе XVII века.

А. К. Левыкин

²⁴ ЦГАДА, ф. Разряда, Денежный стол, кн. 8, лл. 227—302; кн. 4, л. 36; кн. 104, л. 448; Столбцы Белгородского стола; стб. 905, л. 25; стб. 1006, л. 2.